

СУДЬБА “ИРГИЗСКОЙ ИСПРАВЫ”

Из истории старообрядческого раскола

По единодушному мнению всех историков раскола, Саратовский край стал прибежищем старообрядцев — как беспоповцев, так и приемлющих священство — уже во второй половине XVII столетия. Массовое же поселение старообрядцев в этих местах началось во второй половине XVIII века.

До этого времени малочисленное население было сосредоточено исключительно по берегам Волги, а вся остальная территория представляла либо непроходимые густые леса в правобережье, либо дикие степи в Заволжье. Эти леса и степи были надежным убежищем для всякого рода бродяг, искателей приключений и государственных преступников, сумевших избежать правосудия. На северо-востоке Саратовского края до начала нашего века были различимы поросшие травой и сглаженные сохой земляпашца так называемые сиротские дороги, которые тянулись от Волги через Большой Иргиз и выходили на общий Сырт и Уральские горы. Эти сиротские пути были проложены “людьми сирыми”, то есть преступниками, преследуемыми сектантами и раскольниками, которые, оставив родные и отчизну, бежали в степи, на Урал, в Хиву.

В окрестностях Малыковки, как и в ней самой, в конце XVIII века образовались многочисленные и устойчивые поморские общины. Впервые в малыковской округе это согласие появилось уже во второй половине XVII столетия в селе Воскресенском, где вскоре образовался Воскресенский поморский скит, имевший несколько десятков келий.

В 80-е годы XVIII века Волгск стал центром поморского согласия в Саратовской губернии, здесь были известны поморские семейства купцов Рошковых, Невитовых, Галкиных, Будниковых, Синициных и другие. Кроме частных домовых молелен, существовали и общие: у мещанина Лушникова и у вдовы мещанки Дарии Ивановой.

Высочайшая милость

Во второй половине XVIII столетия раскольники получили неожиданное официальное позволение селиться на берегах Большого Иргиза. Высочайшая милость была объявлена в манифесте императрицы Екатерины II от 4-го декабря 1762 года: “Бежавшим из своего отечества поданным возвращаться позволяем и обнадеживаем, что хотя б по законам и следовало учинить наказание, но однако ж все их до сего преступления прощаем, надеясь, что они, восчувствовав к ним сии наши оказываемые матернии щедроты, потщатся, поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии в пользу свою и всего общества...”

Манифест был подкреплен указом от 14 декабря, где говорилось, что раскольники, во-первых, прощались не только за побеги, но и за все совершенные преступления, во-вторых, имели свободу в ношении бород и выборе пла-

тья, в-третьих, имели возможность записаться к помещикам, в государственные крестьяне или быть зачисленными в купеческое сословие (большинство раскольников выбрало третий путь) с сохранением двойного раскольнического налога (это последнее дискриминационное установление было вскоре отменено самой Екатериной). В соответствии с указом раскольники, пожелавшие вернуться в отечество, на шесть лет освобождались от всех податей и работ. Кроме того, указ 14 декабря предписывал командующим на приграничных заставах охранять “пешеходствующих” старообрядцев от возможных обид и притеснений, беспрепятственно пропускать их скарб, не отбирая ничего, снабжать паспортами и т.д. Указ называл и земли, куда могли бы переселиться старообрядцы. Для выходцев из Польши с реки Ветки были указаны территории саратовского Заволжья, общим размером более 70 000 десятин.

Таким образом, выходцы из Польши оказались обладателями Иргиза, десятков тысяч десятин плодородной земли, изобилующей водой, лесами, лугами — всем, что, хотя и сильно оскудев, до сего дня составляет бесценное достояние Саратовской губернии. Старообрядцы Ветковских скитов в числе 120 семейств, добравшись до Иргиза основали несколько сел: Криволучье, находящееся в 50 верстах от Волги; недалеко от него Балаково, в 74 верстах от устья Каменки; и еще выше, в 80 верстах, село Мечетное — нынешний Пугачев. Вышедшие с Ветки раскольничьи монахи не захотели жить рядом с крестьянами и удалились в леса, где, выкопав землянки, устроили скиты.

Монашеский Иргиз

Возле Криволучья, собрав единомышленников, уже в 1762 году основал скит выходец из Польши Авраамий, бывший некогда крестьянином Казанской губернии. Авраамиевский скит, который после строительства в нем церкви стал называться Нижне-Воскресенским монастырем, был расположен в прекраснейшем месте Иргиза, на острове длиной в пять верст и шириной в версту. Омываемый водами богатого рыбой Монастырского озера, остров весной почти полностью покрывался водой, и только сам скит оставался на верху холма символом Церкви, которую не в силах потопить “воздвигаемое бурю напастей житейское море”.

В 1789 году в Нижне-Воскресенском монастыре была освящена деревянная церковь во имя Воскресения Христова, выстроенная на средства Василия Алексеевича Злобина. В 1795 году попечением того же Злобина выстроена теплая тоже деревянная церковь во имя Рождества Божией Матери с приделом во имя Иоанна Богослова.

Другой польский выходец именован Исаакий основал скит выше по Иргизу напротив Каменки и тоже назвал его своим именем. Исаакиевский скит оказался для ищущих

единения еще более привлекательным, чем Авраамиев. Он также омывался с одной стороны Иргизом, а с другой — большим озером Калач. В 1762 году здесь поселился Исаакий, а вместе с ним 25 его товарищей, взыскающих истинной веры. Через два десятка лет этот скит сменит свое название и будет именоваться Верхне-Успенским, а затем Верхне-Спасо-Преображенским.

В 1770 году в этом монастыре появилась первая на Иргизе часовня в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, которую построил беглый поп Иаков, присланный из Стародуба настоятелем Михаилом Калмыком, бывшим тогда главой всей поповщины.

В 1780 году к существовавшей в скиту часовне был пристроен алтарь, и получившаяся церковь была освящена в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1783 году была выстроена другая Успенская церковь, обе они сгорели дотла в 1798 году и были заново построены на щедрое пожертвование в 12000 рублей императора Павла. Введенская церковь сохранила свое название, а на месте Успенской появилась церковь во имя Преображения Господня.

В пяти верстах от исаакиевского скита в 1774 году обосновалась некая матушка Маргарита, дочь сибирского купца Матфея Ильина, с несколькими монахинями, жившими в отдельных кельях. Эти кельи и дали начало будущему женскому Покровскому монастырю.

Последний мужской Иргизский скит появился напротив слободы Мечетной двумя годами позднее, в 1764 году. Его основателями стали прибывшие с той же реки Ветки иеромонах Пахомий, монах Филарет и еще 17 братьев неизвестного звания. Этот скит назывался и Пахомиевым, и Филаретовым, и Средне-Никольским монастырем.

Пахомий и Филарет выстроили и в 1790 году освятили Никольскую церковь, а в 1798 году они воздвигли другую теплую церковь во имя Покрова Божией Матери. Двадцатилетнее уединение почитателей Пахомия и Филарета было нарушено в 1785 году, когда совсем рядом с ним некая вышедшая из той же бездонной Польши матушка Анфиса основала женский скит, который впоследствии получил имя Средне-Успенского женского монастыря.

В 1815 году Анфисин скит весь сгорел, но научившиеся “дружить” с властями старообрядцы выхлопотали у саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева разрешение восстановить монастырь. К 1818 году монастырь был полностью восстановлен.

Хотя в первое десятилетие своего существования иргизские скиты были весьма малочисленны — общее число насельников едва достигало ста человек, — они уже начали привлекать к себе немало бродяг, для которых раскол был средством выполнения разного рода тайных преступных замыслов. Просвещенная Екатерина все еще переписывалась с Вольтером и Дидро, покровительствовала вольнодумству и искренне желала стать заботливой матерью доставшемуся ей “волею фортуны” русскому народу. Философствующая императрица и не подозревала, как опасны оставленные без начальственного надзора раскольники, как щедро отблагодарят ее прощенные и облагодетельствованные ею старообрядцы.

Пугачевщина

Отдаленность иргизских монастырей, полное отсутствие полицейской власти, густые леса и труднопроходимые сиротские дороги привлекали многих подданных Екатери-

ны, которые были не в ладах с законом. Польша, которая, кажется, была придумана только для порождения самозванцев, в 1772 году наградила Россию новым чудовищем. Донской казак Емельян Пугачев, преследуемый на родине за уголовные преступления, нашел выгодным для себя присоединиться к расколу и бежал на Ветку. Здесь в течение 15 недель он подробно изучил идеологию старообрядцев и, услышав о безопасности и безбедности иргизского жития, с подложными документами возвратился в отечество.

В Нечетной слободе он вызвал подозрение своими соблазнительными изречениями у мальковских дворцовых крестьян и по прибытии в Мальковку был связан верно-подданными братьями Иваном и Василием Злобиными, допрошен, закован в кандалы и отправлен в Казань. Начальство Казанского тюремного замка не отличалось бдительностью, и Пугачеву удалось бежать. Оказавшись в Пахомиевом скиту, он открыл себя его настоятелю Филарету, назвавшись скрывающимся императором Петром Третьим и пообещал раскольническому старцу сан Московского Патриарха. Филарет благословил разбойника, и “бунт бессмысленный и беспощадный” разразился едва ли не на половине территории России.

Как ни искало впоследствии правительство Филарета, какие секретные экспедиции ни посылались для его поимки, хитрый иргизский монах ускользал, “яко исчезает дым”, из рук правосудия. Назвавшись Афанасием, он сумел бежать в один раскольничий скит костромской губернии близ села Молвитина, где благополучно скончался в полной безопасности.

Пугачевщина разнесла весть об иргизских скитах по всему юго-востоку России, и с этого времени число жителей в скитах стало умножаться все более и более. Самую широкую известность они приобрели при настоятеле Сергии, который за свою деятельность получил имя иргизского строителя.

Иргизский строитель

Сергий был сыном московского купца Петра Юршева, ревностного раскольника из числа беглопоповцев. Петр Юршев печально прославился во время известного московского холерного бунта 1771 года. Взбунтовавшаяся толпа, подстрекаемая разного рода проходимцами, в том числе и раскольниками, буквально разорвала на части московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), который не покинул паствы во время эпидемии, увещевая москвичей не предаваться отчаянию. К числу прямых виновников смерти митрополита истории раскола относят отца будущего “иргизского строителя”. Сам Сергий, в миру Симеон, после смерти отца бежал в московские леса, где и принял иноческий постриг. Просидев некоторое время в московской тюрьме по обвинению в учинении беспорядков, Сергий отправился к своим единомышленникам в Польшу, однако, пробыв на реке Ветке совсем немного, вернулся в Отечество с твердым намерением стать главой иргизской общины.

Прикинувшись непомнящим родства (манифест 1762 года распространялся только на раскольников, покинувших Россию до воцарения Екатерины), Сергий попросил пограничных стражей, выдававших ему паспорт, указать в нем, что при нем имеется походная церковь, хотя это был простой кусок холста, намотанный на палки. Простодушные пограничники снабдили авантюриста требуемым до-

кументом, и в 1776 году Сергей оказался на Иргизе, где поселился в Исаакиевском скиту. Будучи человеком энергичным, грамотным и на удивление трезвым, Сергей очень скоро добился уважения со стороны всех иргизских насельников. Принявший настоятельство над скитом после смерти Исаакия монах Матфей по дряхлости добровольно отказался от настоятельства, и на его место был избран Сергей.

Из приличия Сергей некоторое время отказывался от предложенной чести, в чем его поддерживала и мать его Марина (в иночестве Макрина), тоже переселившаяся с младшим сыном и дочерью на Иргиз. Кандидат в настоятели хорошо знал нрав своих единоверцев, и потому, прежде чем согласиться с назначением, он взял с монахов присягу в беспрекословном повиновении и жизни по заповедям Христовым.

Став настоятелем, Сергей завел общую трапезу, написал устав скитского жития и построил небольшую часовню, которая удивительно быстро сгорела, и Сергей испросил дозволения у властей построить новую, но вместо часовни выстроил настоящую пятиглавую церковь с колокольней. Вместе с этим он раздобыл одного беглого иеромонаха и беглого же белого священника.

Ворованных антиминов на Иргизе хватало, и скоро в Верхнем скиту стала служить подпольная литургия, которая привлекала сотни ревнителей благочестия, получавших здесь освященные запасные дары, которые разносились ими по всей раскольнической России. Иеромонах и священник не успевали служить всех заказных треб, и скит Сергия быстро богател.

Сергий прекрасно осознавал необходимость легализации построенной церкви. В 1780 году он предъявил местному начальству паспорт, в который была записана полотняная церковь, и смиренно попросил дозволения отслужить лишь несколько литургий якобы для пополнения "запаса". В хлопотах приняли участие именитые волжские купцы, в том числе и известный любовью к старому обряду Василий Алексеевич Злобин. Не обошлось и без подношений, на которые Василий Алексеевич никогда не скупился. Разрешение было получено. Деревянная пятикупольная, а отнюдь не полотняная Введенская церковь была легализована, и слово "несколько" в отношении обеден, которые было разрешено отслужить, растянулось по-русски до бесконечности.

Вскоре осмелевший Сергей построил и вторую церковь, которая была освящена во имя Успения Божией Матери 19 декабря 1785 года.

Перемазовщина

В подражание Сергию настоятели других иргизских монастырей также построили церкви. Раскольники со всей России устремились на Иргиз, неся туда немалые пожертвования.

Братия увеличивалась в числе большей частью за счет беглых крестьян и преступников. Сергей сделался фактическим настоятелем всех иргизских монастырей и одним из влиятельнейших деятелей поповщины во всей России.

При Сергии иргизские монастыри становятся центром так называемой перемазовщины. Раскольники, приемлющие священство, долго не могли прийти к согласию, по какому чину нужно принимать беглых попов в раскол. Каждая община действовала по своему усмотрению. На Ветке, откуда старообрядцы пришли на Иргиз, убежавших

от никоновской Церкви попов первоначально перекрещивали, причем, чтобы сохранить благодать священства неповрежденной, беглых иереев погружали в купель в полном священническом облачении. Потом это фантастическое действо заменилось мнимым крещением, когда иерея только обводили вокруг купели, вычитывая положенное чинопоследование, но не погружали в саму купель. Затем такого мнимокрещеного священника заново помазывали миром, самочинно сваренным попом Феодосием. Руководитель керженских раскольников (Нижегородский край) диакон Александр объявил миро Феодосия недействительным, и на Керженце беглых иереев мазали якобы древним миром, сохранившимся от патриарха Иосифа, а вследствие естественной убыли, постоянно разбавляемым елеем. Последователи купца Феодора Сулова вообще отказывались считать священниками попов, крещенных обливанием или получивших рукоположение от малороссийских архиереев-обливанцев. Наиболее трезвые из старообрядцев принимали переходящих от господствующей Православной Церкви священников только через проклятие никоновской ереси.

Наконец, московские представители поповщины, обосновавшиеся на Рогожском кладбище, сварили в 1777 году собственное миро и требовали, чтобы все поповцы ехали за ним в Москву.

Стародубские поповцы благодатность рогожского мира отвергали. Заседавший на Рогожском кладбище в течение трех месяцев (от ноября 1779 года до января 1780 года) собор старообрядцев отверг святость сваренного мира, но определил миропомазание беглых попов как обязательное таинство для их перехода в старообрядчество.

Среди трехсот делегатов собора оказалось немало представителей иргизских монастырей и мальковских раскольников. Собор, по обыкновению, завершился новым расколом. Составившие новый толк перемазовщины рогожские, иргизские и керженские старообрядцы прокляли несогласившихся признать благодатность рогожского мира стародубцев, запретив молиться и разделять трапезу с новоявленными еретиками.

"Иргизский строитель" Сергей по поручению собора написал апологию перемазовщины "Обыскательное рассуждение". Влияние этого сочинения на поповцев было чрезвычайно велико, и Иргиз приобрел монополию "поповской исправы".

Эта "исправа", состоящая в перемазывании тысячекратно разведенным иосифовым миром и обучении беглых попов строгому уставу, сосредоточилась, главным образом, в сергиевом Верхне-Спасо-Преображенском монастыре.

Альтернатива старообрядчеству

Возвышение Сергия вызвало зависть со стороны настоятелей других иргизских монастырей. Возник конфликт между Сергием и настоятелем Средне-Никольского монастыря Антонием. Последний признавал действительность хиротонии беглых попов, крещенных обливанием и единократным погружением, а Сергей категорически отвергал такую точку зрения.

По этому поводу в Преображенском монастыре 19 декабря 1785 года состоялся "всеиргизский собор", на котором присутствовало, кроме иргизских насельников, двадцать три представителя купцов и мещан из Саратова, Волгска и Хвалынска. Победителем на нем стал Сергей.

Всероссийская слава "иргизской исправы" все же не вскружила ему голову. Иргизский строитель, увидев неправоту беглопоповского движения, стал первым, кто задумался о приведении Иргиза к единоверию. Этот душевный переворот Сергея обстоятельно описывает саратовский епископ Иаков (Вечерков), присоединивший к Православной Церкви более двадцати тысяч старообрядцев и крестивший до двух тысяч калмыков и евреев.

Специалист по сектоведению, Преосвященный оставил "Записки о раскольниках беглопоповской секты в Саратовской губернии", частично изданные в журнале Казанской Духовной Академии "Православный собеседник" за 1857 год уже после смерти владыки (им же составлены интереснейшие "Записки о молоканах и хлыстах", опубликованные в том же журнале в 1858 и 1860 годах).

Преосвященный Иаков пишет, что чем больше Сергей усиливал утвердить правоту раскола и чем более распространялась слава о нем между его последователями, тем живее он стал чувствовать, что вся слава его основана на неправде и измене Истине. При свете благодати Божией он ясно стал видеть, каковы были попы, им защищаемые, каково было братство, самовольно присвоившее себе имя Святой Церкви.

Смотря на безнравственную жизнь лжесвященников иргизских монастырей, Сергей не мог не понимать, что они приходили к нему по корыстолюбию или скрываясь от правосудия. Он видел, что и монастырское братство состояло из безнравственных бродяг, ленивых беглецов и даже из преступников, ссылаемых в Сибирь.

Как-то во время крестного хода на праздник Первого Спаса, — сообщает преосвященный Иаков, — Сергей стал свидетелем безобразной сцены, когда некая женщина бросилась на предстоятеля, несшего на голове Честной и Животворящий Крест, обвиняя его в клятвопреступлении и в том, что он бросил без пропитания жену и малых детей.

Сергий, конечно, сумел поправить дело, объявив женщину сумасшедшей, но, по собственному его признанию, совесть заговорила в нем с того времени громче, и он решил найти законного священника для своего общества.

Поиски Сергея обратили его внимание на единоверие, которое вводил в пределах Астраханской епархии, куда до образования в 1799 году Саратовской епархии входила значительная часть дриходов Саратовской губернии, епископ Никифор (Феотоки). Преосвященный Никифор, прибывший в Астраханскую епархию в 1786 году в момент наивысшей славы Сергея, написал окружное послание, в котором призвал раскольников соединиться с Церковью. Автор множества сочинений по физике и математике, владыка Никифор привнес в богословие столь неопровержимую логическую ясность, что многие читатели окружного послания были поражены силой аргументов ученого архиерея. Сергей созвал настоятелей и уставщиков всех иргизских скитов и составил "Вопросы" к ревнителю единоверия.

Когда в 1790 году преосвященный Никифор не поленился приехать в Саратовскую губернию и не побоялся встретиться с раскольниками, Сергей с уставщиком своего скита Прохором явились к нему и подали заготовленную бумагу. В ответ на это епископ Никифор написал специальное сочинение "Ответы на вопросы иргизских раскольников и рассуждение о святом мире" (первое печатное издание вышло в Москве в 1800 году), оказавшее-

ся не менее убедительным, чем окружное послание.

Преосвященный Никифор оказался для Сергея тем авторитетом, который убедил его присоединиться к единоверию. Помощником Сергея в этом стал знаменитый гражданин Волгска Василий Алексеевич Злобин. Будучи человеком самых широких убеждений, он искренне желал видеть приверженцев старых обрядов членами единой Православной Российской Церкви. Это стремление встретило неожиданное препятствие в лице жены Злобина Пелагии.

Московский митрополит Макарий (Булгаков) пишет, что фанатично настроенная Пелагия Злобина, услышав разговор своего супруга с Сергием, решила во что бы то ни стало не допустить соединения старообрядцев с Православной Церковью. Когда Сергей отправился в Петербург для законного воссоединения Иргиза с Православной Церковью, Пелагия Злобина расставила по всем дорогам своих караульных, чтобы они по пути схватили и убили его. Бог не попустил свершиться злодеянию, и Сергей вместе с Василием Злобиным испросили у митрополита Гавриила (Петрова) двух православных иеромонахов для законного служения в иргизских монастырях. Когда исполнивший свой замысел Сергей возвращался в Волгск, в Москве происками безумной Пелагии он был схвачен раскольниками и несколько дней пробыл под арестом на Рогожском кладбище. Московский градоначальник князь Прозоровский выручил Сергея и сопровождал его до самого Иргиза.

Возвратившись на Иргиз, Сергей обнаружил, что все его единомышленники сделались противниками единоверия. Приехавшие с ним два православных иеромонаха и иеродиакон жили без всякого дела за пределами монастыря у жены брата Сергея. Однажды ночью в настоятельские кельи, где вновь поселился Сергей, ворвались келарь и два монаха, которые, называя Сергея предателем, бросились на него и стали душить. Племянник Сергея бросился в Волгск к исправнику, который поспешил в монастырь. Сергей был найден запертым в чулане.

Несмотря на уговоры исправника братия наотрез отказалась повиноваться Сергию. Настоятелем Иргиза был избран уставщик Прохор (бывший саратовский купец Петр Калмаков). Разочарованный Сергей отправился вместе со всеми своими родственниками в Стародубские слободы, где введение единоверия проходило успешнее. Через некоторое время он был рукоположен в сан иеромонаха и сделался настоятелем единоверческого Успенского монастыря в Белоруссии.

При Прохоре иргизские монастыри еще более упрочили свое положение. Они владели более чем 12 тысячами десятин земли. Прохор сумел построить несколько новых церквей. Император Павел пожертвовал 12000 рублей на восстановление сгоревшей в Верхне-Успенском монастыре церкви.

Когда церковь была построена, то среди всех имевшихся в наличии антиминсов, которые все были краденые (освящать антиминсы может только архиерей), не нашлось ни одного Успенского, поэтому новая церковь была освящена в честь Преображения и Верхне-Успенский монастырь стал называться Верхне-Спасо-Преображенским. В 1828 году в нем было 87 келий, в женском Покровском монастыре в это время было 100 дворов и 200 келий, в Никольском — 61 келья, в Средне-Успенском женском монастыре — 89 дворов и 145 келий, в Нижне-

Воскресенском — 61 келья. Увеличивалось и число монашествующей братии. К 1828 году — ко времени восстановления Саратовской епархии — общее число насельников иргизских монастырей достигало 3000 человек. Кроме того, в монастырях были богатые библиотеки и роскошные ризницы. Иногда, правда, случались и кражи, ненадежные беглые попы, несмотря на исправу, нередко прихватывали с собой весьма ценные сувениры. Так был похищен вклад Пелагии Злобиной, драгоценный кокошник, который стоил около сорока тысяч рублей.

Император Павел Петрович относился к старообрядцам еще более благосклонно, чем его покойная матушка. В 1797 году он поручает владимирскому губернатору П.С. Руничу посетить Иргиз. Рунич быстро сдружился с иргизскими старцами. Его стараниями раскольнические монастыри получили освобождение от рекрутской повинности и другие не менее важные льготы.

Первые Саратовские архиереи относились к старообрядцам довольно милостиво. Преосвященный Гайй (Такаов), прибыв в Саратов и убедившись, что край заражен расколом, предпочел поселиться в Пензе — втором своем кафедральном городе. Следующий саратовский епископ Моисей (Близнецов-Платонов) был увлечен единоверием и к иргизским инокам относился сочувственно. Владыки Афанасий (Корчанов) и Иннокентий (Смирнов) высказывались о пользе богослужения старообрядцев. Такой же точки зрения придерживался и весьма неуживчивый, недливающий со светской властью, потворствовавшей расколу епископ Амвросий (Орнатский).

“Единоверческая кампания”

В 20-х годах XIX-го века все изменилось. Преосвященного Амвросия сменил обладавший железной волей серб Иринея (Нестерович). Мягкосердечный и неустойчивый к подношениям губернатор Панчулидзева был отдан под суд и заменен князем Александром Борисовичем Голицыным. Последний при безоговорочной поддержке Министерства внутренних дел взялся за решительное искоренение раскола. Высочайшим указом от 2 августа 1828 года иргизские монастыри были поставлены под надзор местного губернского начальства. Было запрещено принимать новых лиц в монастыри, а уже живущим отлучаться из них.

Либеральные времена Екатерины, Павла и Александра Благословенного сменились суровой эпохой Николая Павловича. Введением единоверия занимались теперь не благодушные архиереи вроде владыки Никифора (Феотоки), а генерал-губернаторы и армейские офицеры.

В 1828 году Святейший Правительствующий Синод в целях тотальной борьбы с расколом принял решение о выделении из Пензенско-Саратовской епархии самостоятельной — Саратовской и Царицынской. В Саратов приехал новый архиерей — преосвященный Моисей (Богданов-Платонов).

В том же 1828 году в Нижне-Воскресенский монастырь явился саратовский губернатор князь Александр Борисович Голицын и взял с иноков подписку о присоединении к единоверию. Хотя иноки стали затем отказываться от этой подписки, Нижне-Воскресенский монастырь был в 1829 году все же обращен в единоверие. Упорствующая братия в количестве 60 человек была частично сослана в Сибирь, частично сдана в солдаты. “Единоверческая кампания” приутихла в 1830 году, после того как энергичного

А.Б. Голицына на посту губернатора сменил терпеливый В.Я. Рославцев.

Сменивший через год Рославцева губернатор Переверзев оставил о себе в Саратове самые дурные воспоминания. Не обладая обаянием Панчулидзева, он брал взятки еще более беззастенчиво, прямо покрывая раскольников и сектантов-скопцов.

При таком положении дел единственным серьезным противником Иргиза оставался назначенный в 1832 году на Саратовскую кафедру преосвященный Иаков (Вечерков). Будучи, безусловно, одним из самых образованных и деятельных саратовских архиереев, владыка Иаков почитался еще при жизни едва ли не за святого. Преосвященный Иаков предпочитал действовать кротостью, увещал старообрядцев, побывал в двух иргизских монастырях, беседовал с начетчиками, создал “Общество благочестия”, которое превратилось впоследствии в официальную миссию.

Тем не менее при покровительстве Переверзева “иргизский Иерусалим” продолжал процветать. Правда, по внутреннему укладу жизни он все больше напоминал Вавилон. Здесь по-прежнему скрывались беглые преступники, непомерное винопитие и буйство все больше порождало иноков, а нарушение седьмой заповеди распространилось до невозможности скрывать преступления.

Конец “Иргизской исправы”

В 1835 году Переверзев был смещен, и епископ Иаков обрел союзника в лице нового губернатора А.П. Степанова, человека решительного, бывшего адъютанта Суворова. Дело пошло по-военному скоро. 8-го февраля 1837 года отряд христоролюбивых воинов вместе с известным саратовским протоиереем Гавриилом Чернышевским прибыл к воротам Средне-Никольского монастыря. Переговоры никаких результатов не принесли, и через несколько дней на Иргиз явился сам губернатор. Иноки решили стоять насмерть, и ученик Суворова, не решившись стрелять в безоружных людей, возвратился в Саратов. Министерство внутренних дел, однако, настаивало на более решительных действиях. Сам Государь упрекнул Степанова за нерасторопность, и участь Иргиза была решена. 12-го марта состоялся решительный штурм. Храм был окружен народом, лежавшим в несколько рядов, крепко сцепившись друг с другом.

Ввиду полной невозможности растащить лежащих, губернатор приказал стрелять холостыми снарядами. Пслышалась пальба из ружей, вовсю действовали нагайки и приклады, были пушены в ход пожарные трубы. Через несколько часов монастырь был опустошен. В 1843 году он был превращен в женский единоверческий монастырь.

В 1841 году столь же решительно приступили к присоединению Верхне-Спасо-Преображенского монастыря. Покровский и Успенский женские монастыри были при этом упразднены совершенно. Так, к началу сороковых годов было покончено с “иргизской исправой”. Примерно в это же время в беглопоповском движении образовался раскол, связанный с приобретением беглого архиерея, запрещенного в служении Боснийского митрополита Амвросия. Впрочем, это уже тема нового исследования.

священник Михаил Воробьев